

Научная статья

УДК 81'367.63

doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-23-32

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА МОДАЛИЗИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ НА ПРИМЕРЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Екатерина Сергеевна Ошанова

Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова, Ижевск, Россия,
oshanova_katja@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1605-1315

Аннотация. Рассматривается вопрос о прагматической идентичности модализированных конструкций в русском, немецком и удмуртском языках. Цель работы состоит в описании функционально-коммуникативных и прагматических свойств русских, немецких и удмуртских модализированных высказываний. В настоящей статье модализированные конструкции формируются при помощи специальных модальных средств, к которым относятся модальные глаголы и модальные частицы. Отмечается, что модальные языковые средства в разноструктурных партиклевых языках характеризуются прагматической направленностью и выявляют особенные принципы функционирования национального языка. Прагматические свойства модальных частиц проявляются во взаимодействии с контекстом и ситуацией. Следует сделать вывод о том, что модализированные конструкции выражают коммуникативно-прагматические значения с разными коммуникативными смыслами в зависимости от контекстуальных факторов обозначаемой действительности, а также из-за характерных особенностей субъективно-модальных оттенков модальных средств.

Ключевые слова: модализированные конструкции, модальные глаголы, модальные частицы, прагматическая идентичность

Для цитирования: Ошанова Е. С. Коммуникативно-прагматические свойства модализированных конструкций на примере разноструктурных языков // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 23–32. doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-23-32.

Original article

PRAGMATIC ANALYSIS OF MODALIZED CONSTRUCTIONS IN DIFFERENT STRUCTURAL LANGUAGES

Ekaterina S. Oshanova

Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia, oshanova_katja@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1605-1315

Abstract. The article deals with the question of pragmatic identity of modalized constructions in the Russian, German and Udmurt languages. The article presents the utterances included in the speech act in interaction with modal means, which participate in the expression of a real-ontological situation. The aim is to describe the functional and pragmatic properties of Russian, German and Udmurt modalized utterances. Modalized constructions are formed with the help of special modal means, which include modal verbs and modal particles. It is noted that modal linguistic means in different-structured particle languages are characterized by a pragmatic orientation and reveal special principles of national language functioning. The pragmatic properties of modal particles appear in interaction with context and situation. It should be concluded that modalized constructions express communicative and pragmatic meanings with different communicative purposes, depending on the contextual factors of the denoted reality, as well as due to the characteristic features of the subjective-modal shades of modal means.

Keywords: modalized constructions, modal verbs, modal particles, pragmatic identity

For citation: Oshanova ES. Pragmatic analysis of modalized constructions in different structural languages. *Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(6(476):23-32. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-23-32.*

Введение

В представленной статье рассматривается группа модальных средств, включающая модальные глаголы и модальные частицы.

Определим в рамках исследования следующие задачи:

- 1) рассмотреть понятие «модализованные конструкции»;
- 2) определить коммуникативно-прагматические значения модализованных высказываний русского, немецкого и удмуртского языков;
- 3) провести анализ модальных средств с модальными глаголами и модальными частицами.

В рамках материала для работы были рассмотрены высказывания диалогического взаимодействия из художественных произведений немецких [26; 27], русских [23; 25] и удмуртских [24] авторов.

В качестве ядра семантической структуры модализованного высказывания выступают:

- модальные глаголы немецкого языка: *können, dürfen, müssen, sollen, wollen*; русского языка: мочь, хотеть, нужно; удмуртского языка: быгатыны («мочь, уметь»), кулэ («надо»), малпаны («думать»), потыны («хотеть, желать»), турттыны («пытаться, стараться»);
- модальные частицы немецкого языка: *doch, denn, schon, ja, wohl*; русского языка: же, ли, ведь, да, разве; усилительные и модально-волевые частицы удмуртского языка: ик, ни, ини, бен, -а.

Модализованные конструкции

В контексте коммуникативно-функциональной лингвистики данные структуры позволяют описать процессы развития и функционирования языка в обществе, исследовать с точки зрения лингвистики процесс речевой коммуникации участников диалогической интеракции. Также благодаря изучению данной темы можно говорить о развитии нашего представления о взаимосвязи коммуникативных, прагматических и когнитивных функций.

При рассмотрении данного вопроса приходим к заключению, что, несмотря на имеющиеся определения и описания подобных высказываний в трудах лингвистов различных школ и направлений [21; 12; 15], данный термин не являлся предметом детального изучения. В научных работах можно встретить следующие аналогии: модали-

зированные перформативные конструкции [17], модализованные выражения [19], модальные суждения [9], модальные высказывания [18].

Для обозначения определения «модализованные высказывания» рассмотрим понятия «модальные предложения» и «модальные высказывания».

Модальные предложения — это языковые единицы с определенной модальной рамкой, а модальные высказывания, следовательно, — предложения, включенные в определенные коммуникативно-речевые обстоятельства. Рассматривая уровень речевого контекста, следует говорить о модализации предложений и их переходе в модальные высказывания [13].

Таким образом, модализованные высказывания — это эмоционально-экспрессивные речевые акты с включенными модальными средствами, которые оказывают влияние на участников общения с целью изменения их индивидуальных качеств в определенном языковом окружении [13].

Модальные частицы в разноструктурных языках

В настоящее время в лингвистике много научных трудов, описывающих функционирование частиц в различных языках. Значительные исследования проводятся в разноструктурных языках (романо-германские, славянские, финно-угорские).

При рассмотрении модальных частиц в анализируемых в данной работе языках необходимо указать, что единицы данной части речи, как правило, позволяют адресанту выразить свою позицию относительно достоверности ситуации и одновременно маркируют целенаправленность по отношению к адресату с целью скорректировать его оценку или позицию. Предложения с модальными частицами не несут новой информации, а выражают позицию говорящего относительно каких-либо событий. Отметим по данной проблематике работы А. В. Авериной [2; 3], О. Abraham [20].

Модальные глаголы в немецком, русском и удмуртском языках

В настоящее время модальные глаголы **немецкого языка** рассматриваются в трудах А. В. Авериной [1], в диссертации О. М. Егоровой [6] и др. Отмечается, что семантика модальных глаголов существенно зависит от контекстуального окружения.

Основная функция модальных глаголов немецкого языка, которые относятся к лексическим

средствам выражения модальности, заключается в выражении отношения говорящего к определенному событию или действию.

Автор выделяет следующие типы модальных значений: уверенность/неуверенность/сомнение в том или ином факте действительности; модальность волеизъявления, или желательность; возможность и действительность; связь утверждаемого в суждении с нормами морали, права, конкретными обязательствами. Таким образом, очевидно, что модальные глаголы передают все типы перечисленных отношений [1].

Относительно модальных глаголов **русского языка**, они передают определенное действие, наделенное модальным статусом [14]. Исследованием модальных глаголов в системе глаголов русского языка занималась Галина Александровна Золотова, которая в составе глаголов выделила два первичных вида: знаменательные и неполнознаменательные глаголы. По мнению Галины Александровны, неполнознаменательные глаголы образуются совокупностью модификаторов и компенсаторов [7; 8]. Главная роль в выражении модальных значений принадлежит глаголу, что доказал академик Виктор Владимирович Виноградов [4].

Следовательно, модальный глагол в русском языке выражает модальную или оценочную семантику и отражает позицию субъекта к совершаемому действию. Но в то же время модальный глагол не обладает самостоятельностью полнозначных глаголов.

Прежде чем рассмотреть примеры модализированных высказываний в **удмуртском языке**, необходимо указать, какие глаголы причисляются к модальным.

Как отмечает Татьяна Михайловна Кибардина, в удмуртском языке присутствуют вспомогательные глаголы с различными модальными отношениями: потыны («хотеть, желать»), турттыны («пытаться, стараться»), быгатыны («мочь, уметь»), кулэ («надо»), яра («можно»), медыны («намереваться»), малпаны («думать»), яратыны («любить») [11]. Данные глаголы достаточно широко употребляются в языке. Однако лингвист упоминает, что ни в русском, ни в удмуртском языке они не выделены в особую группу, как, например, в немецком или английском языках. Возможно, это связано с тем, что данная проблема в отечественной лингвистике не до конца исследована и данный вопрос требует более детального изучения [11; 5].

Вопросами так называемых вспомогательных глаголов в удмуртском языке занимались М. К. и Б. И. Каракуловы. В «Сопоставительной грамма-

тике русского и удмуртского языков» они распределили данные глаголы по следующим группам:

- а) фазовые глаголы, указывающие на начало или конец действия (кутскыны — «начать», дугдыны — «остановиться, перестать»);
- б) модальные глаголы, обозначающие желание, возможность, стремление, намерение, решимость (потыны — «хотеть, желать», медыны, малпаны — «думать, намереваться», быгатыны — «мочь», дасяськыны — «приготовиться, готовиться», турттыны, тыршыны, вырыны — «стараться»);
- в) эмоциональные глаголы, выражающие предрасположенность, опасение (яратыны, кельшыны — «любить, предпочитать», кышканы — «опасаться, бояться, страшиться») [10; 11].

Таким образом, в настоящей работе примем во внимание вышеперечисленные характеристики и будем использовать определение «модальный глагол» в удмуртском языке.

Результаты

Немецкий язык

1. *“Geht nur, geht! Und nehmt euch Kuchen mit. Auch du, Paul, nimm doch bitte Kuchen mit. Auch für deine Frau Mutter und deine Schwester. Und komm uns mal wieder besuchen. Es ist so schön, junge Leute um sich zu haben”.*

Höflich gab ich Frau und Herrn Hellwig die Hand und strebte dem Flur entgegen.

“Aber der Kuchen, ihr dürft doch den Kuchen nicht vergessen!”, rief Claras Mutter uns noch nach [26. С. 192].

«Идите же, идите! И возьмите с собой печенье. И ты, Пауль, тоже, пожалуйста, возьми с собой печенье. Также и для твоей мамы и сестры. И приходи к нам еще раз. Так приятно иметь вокруг себя молодых людей».

Вежливо пожав руку госпоже и господину Хельвигу, я направился в коридор.

«А печенье, не забудьте печенье!» — все еще кричала нам вслед мама Клары.

Коммуникативно-прагматическая направленность «**призыв-беспокойство**» выражена модальным глаголом *dürfen*, модальной частицей *doch* и восклицательным по интонации предложением.

2. *“Beruhigen Sie sich, Herr Beller. Ich habe nur gefragt, wie die verschiedenen Angaben*

zusammenpassen, die von Ihnen heute Morgen und die Beobachtungen der Ehrenstetter Bürger.” Lorenz lässt wieder einmal nicht locker. “Dann habe ich mich eben geirrt. Kann ja mal vorkommen. Ach, mir langt’s. Ich gehe” [27. с. 92].

«Успокойтесь, господин Беллер. Я просто спросил, как совпадают различные сведения, полученные от вас сегодня утром, и наблюдения жителей Эренштеттера». Лоренц снова не отступает. «Тогда я просто ошибся. Может случиться и такое. О, мне это надоело. Я пойду».

Коммуникативно-прагматическая направленность «констатация-разочарование» выражена модальным глаголом *können*, модальными частицами *ja* и *mal*, усиливающими эмоциональное значение, и повествовательным предложением с соответствующей интонацией, выполняющей важную смыслообразительную функцию.

3. *“Als was haben Sie dort gearbeitet?”*

“Ach, eigentlich wie hier, als Mädchen für alles, nur eine Stufe höher. Ich musste die Zimmermädchen beaufsichtigen, war manchmal an der Rezeption. Immer dort, wo gerade jemand gefehlt hat.”

“Das hört sich doch gar nicht schlecht an. Weshalb wollten Sie denn unbedingt nach Deutschland?”

“Kennen Sie Rumänien? Wissen Sie, wie man dort lebt, wenn man nicht genügend Geld hat? Wissen Sie, wie die Leute behandelt werden?”

“Ach so. Verstehe” [27. С. 45].

«Кем Вы там работали?»

«Ах, вообще-то, как здесь, как девушки для всего, только на ступеньку выше. Мне приходилось присматривать за горничными, иногда стояла за стойкой регистрации. Всегда там, где кого-то не хватало.»

«Это звучит совсем неплохо. А почему же Вы так сильно хотели в Германию?»

«Вы знаете Румынию? Вы знаете, как там живут, если нет достаточно денег? Вы знаете, как обращаются с людьми?»

«Вот как. Понимаю.»

Коммуникативно-прагматическое значение «вопрос-любопытство» выражено модальным глаголом *wollen*, модальной частицей *denn*, привносящей оттенок любопытства, и вопросительным предложением с целью выяснения информации.

4. *Jule überlegte ein Weilchen, dann sagte er: “Vor einem blonden Teufel hat vielleicht niemand Angst.”*

“Und warum dann vor einem schwarzhaarigen?”

“Weil der düster aussieht und ein blonder eben nicht”, fertigte ich Bille ab. Was hatte sie da nur wieder für ein Thema angeschnitten! Das verdarb uns den ganzen Ausflug.

“Quatsch”, widersprach Bille. “Das ist nur wegen der Gewöhnung.” Und sie fuhr fort, auf alles Blonde zu schimpfen, obwohl sie doch selber blond war. “Wieso müssen denn auch immer alle Engel, das Christkind und die guten Feen blond und die bösen Hexen schwarzhaarig sein” [26. С. 142].

Юлиан некоторое время размышлял, потом сказал: «Белокурого дьявола, возможно, никто не боится».

«А почему тогда черноволосого?»

«Потому что тот выглядит мрачным, а блондин — нет», — опроверг я Билле. И чего только она опять завела эту тему! Это испортило нам всю поездку».

«Бред, — возразила Билле, — это просто привычка». И она продолжила ругать всех блондинов, хотя сама была блондинкой. «Почему же все ангелы, Дитя Христа и добрые феи должны быть блондинами, а злые ведьмы — черноволосыми».

Реализация коммуникативно-прагматического значения «вопрос-размышление» в немецком языке представлена модальным глаголом *müssen*, модальной частицей *denn* и вопросительно-утвердительно-по смыслу предложением, оформленным в виде риторического вопроса. Отмечается, что во внутренней речи, в размышлениях вопрос может быть не ориентирован на получение непосредственного ответа.

5. *Die blasierte Verstocktheit, die Laufer an den Tag legt, kostet ihn die Sympathien, die Lorenz ihm gestern der vergleichbaren familiären Situation wegen entgegengebracht hat.*

“Und?”

“Was, und?”

“Wo Sie zur Tatzeit waren, möchten wir wissen.” Thiele hilft jetzt nach, denn selbst ihm, dessen Gelassenheit manchmal schon an Lethargie grenzt, geht diese zähe Unterredung langsam auf die Nerven.

“Wo soll ich schon gewesen sein? Zu Hause” [27. С. 123].

Высокомерное упрямство, с которым сталкивается Лауфер, будет стоить ему тех симпатий, которые Лоренц питал к нему вчера из-за сопоставимой семейной ситуации.

«И?»

«Что, и?»

«Где вы были во время совершения преступления, хотели бы мы знать.» Теперь Тиле помогает, потому что даже ему, чье самообладание иногда уже граничит с вялостью, этот жесткий разговор медленно действует на нервы.

«Где же я должен был быть? Дома».

Коммуникативно-прагматическая направленность «**вопрос-раздражение**» выражена модальным глаголом *sollen*, модальной частицей *schon* и вопросительно-утвердительным предложением. Отметим данным примером, что, по наблюдениям М. Турмэр, вопросительные предложения с модальной частицей *schon* выступают в роли утверждения с отрицанием (“eine negierte Behauptung”) [22. С. 154. 3. С. 112].

6. *So gut es geht, reißt sich Lorenz schließlich zusammen, als er die Treppe hinunter und in den Garten schlurft. Julia und Ulli grinsen ihn unverhohlen an.*

“*Ich bin wohl ein bisschen sehr fröhlich gewesen, gestern Abend*”, beginnt er, sich vorsichtig vorzutasten.

“*Das kann man wohl sagen, Papa. Je oller, je doler. Du hast einen Mordsdrive draufgehabt. Irgendwann hast du mit Gundi Fehringer Rock’n’Roll getanzt und den Herbert mit großen Gesten zum Hilfssheriff ernannt*”, klärt Ulli seinen Vater auf [27. С. 133].

Лоренц, как может, берет себя в руки и, шаркая ногами, спускается по лестнице в сад. Юлия и Улли открыто ухмыляются ему.

«Должно быть, прошлым вечером я был немножго очень весел», — начинает он, осторожно нащупывать почву.

«Можно и так сказать, папа. Чем дальше, тем хуже. У тебя был невероятный душевный подъем. В какой-то момент ты танцевал рок-н-ролл с Гунди Ферингер и величественными жестами назначил Герберта помощником шерифа», — разъясняет Улли своему отцу.

Коммуникативно-прагматическая направленность «**констатация-насмешка**» выражена модальным глаголом *können*, модальной частицей *wohl*, усиливающей эмоциональное значение, и повествовательным предложением с соответствующей интонацией, выполняющей важную смысловозначительную функцию.

Русский язык

1. А Толмачев — как солдат, всегда точен, исполнителен, собран...

— *Ладно, бог с ним, сказал Муханов, которого занимали по-настоящему лишь счеты с Гориним. — Егерь ни при чем, раз тетеревов в помине не было. Говорил я, что поздно выезжаем, так и вышло: тетерева в крепь ушли, вот и весь сказ!*

— *Да ведь хотелось, чтобы побольше набродов было, — жалобно, признаваясь в своем поражении, пробормотал Горин.*

— *Слушайся старших другой раз! — великодушно заключил Муханов* [25. С. 167].

Коммуникативно-прагматическая направленность «**констатация-досада**» выражена модальным глаголом *хотеть*, модальными частицами *да и ведь*, указывающими на сожаление, уточнение причины, но одновременно и оправдание поступка, а также повествовательным предложением. Как отмечает И. В. Ружицкий, подчеркивание обстоятельств, побудивших к действию, звучит более убедительно, чем без частицы [16].

2. *Преисполненный ответной жалости к матери и смутного чувства какой-то своей вины, Демин растерянно бормотал: «Ну, ладно, маманя!.. Чего там!».*

— «*Ох, сынок, зачем нам все это?.. И кому достанется?.. Во сне ты, что ли, живешь!*»

Демин молчал.

«*Уйду я от тебя, — вдруг сказала мать. — Есть у меня свой угол.*»

— «*Да что ты, маманя? — испугался Демин. — Нешто нам плохо вдвоем?*»

— «*Плохо, сыночек, плохо. Не могу я на тебя смотреть. Сколько же можно так маяться? Неужто ты порченный какой и за тебя ни одна девка не пойдет?*» [25. С. 292].

Коммуникативно-прагматическое значение «**вопрос-беспокойство**» выражено модальным глаголом *можно*, модальной частицей *же*, подчеркивающей вопросительность и усиливающей оттенок беспокойства/переживания, а также вопросительным предложением.

3. *И наконец настал тот великий день, когда он впервые пошел не старпомом, а капитаном на экспедиционном судне и не куда-нибудь — на Джорджес-банку, а это для морской души, что Мекка для мусульманина. Сладко было произносить мужественное, щекочущее гортань и небо слово: «Джорджес-банка».*

Как на грех, Мери никогда не слышала об этой океанической ямине.

— *Можно ли быть такой дурой? — даже не разъярился, а затосковал Капитан. — Такой непроходимой дурой!* [25. С. 426].

Коммуникативно-прагматическое значение «**вопрос-разочарование**» выражено модальным глаголом *можно*, модальной частицей *ли*, приносящей оттенок недоумения и грусти, и риторическим вопросом, целью которого является не получение ответа на заданный вопрос, а обращение внимания адресата речи на представленный вопрос. Необходимо указать, частицу *ли* можно встретить непосредственно после слова, называющего то, о чем спрашивается.

4. Я нажал кнопку электрического звонка.

— Вот сейчас придет человек — прикажу ему вывести вас!

Скорбно склонив голову, господин Цацкин сидел и молчал, будто ожидая исполнения моего обещания.

Прошло две минуты. Я позвонил снова.

— Хорошие звонки, нечего сказать, — покачал головой господин Цацкин. — **Разве можно** иметь такие безобразные звонки, которые не звонят. Позвольте вам предложить звонки с установкой и элементами за семь рублей шестьдесят копеек. Изящные звонки...

Я вскочил, схватил господина Цацкина за рукав и потащил к выходу [23. С. 40].

Коммуникативно-прагматическое значение «**вопрос-недоумение**» выражено модальным глаголом **можно**, модальной частицей **разве**, подчеркивающей вопросительность, и вопросительно-отрицательным предложением.

5. Тут же он, окликнутый товарищем, отошел на минуту от польщенного Мецената, а к Меценату приблизился кроткий, елейного вида мужчина с ласковыми глазами и предложил:

— **Не хотите ли** перекинуться в картишки? Тут, в задней комнате. Пойдем, господин, много выиграть можете, ежели повезет.

«Шулер, — мелькнуло в голове Мецената, — любопытно с ним сразиться...» [23. С. 378].

Коммуникативно-прагматическое значение «**вопрос-настойчивость**» выражено модальным глаголом **хотеть**, модальной частицей **ли** и вопросительным предложением с целью выяснения информации.

Удмуртский язык

1. Но тани оез немецкой самолёт гомзиз, из кадь, ул лань васькыны кутскиз. Пырак выламы-усе кадь. Чир! Кесяськыса интысь тымы султыса, гурт палабызими ми. Самолёт шурсьоры возьвылэ усиз, пуштйз. «Со **ик кулэ** тыныд!» — шумпотыса малпамми [24. С. 5].

Но вот один немецкий самолет загорелся, как камень, и начал падать вниз. Как будто бы прямо на нас. Быстро встав с места, мы побежали в сторону деревни. Самолет упал за рекой на луг, загорелся. «Так тебе и надо!» — обрадовавшись, подумали мы.

Коммуникативно-прагматическая направленность «**утверждение-радость**» выражается модальным глаголом **кулэ** (надо), модальной частицей **ик**, усиливающей эмоциональный оттенок, и восклицательным предложением.

2. Нош маар соос сиыны кулэ? Маин сюдоно милемлы нылпиосмес?

— Соиз мынам уже өвёл! — председатель пырс потыса кошкиз.

— Погоди! — съобраз ик потйз Санко Петыр. — Кыззы озьы тйляд ужды өвёл?! Ми нянь будэтйськом, нош асьмеос ситэк улыны **кулэ-а**? Нылпиосмес сюэм возьыны **кулэ-а**? А? Вералэ?! [24. С. 24].

А что они должны кушать? Чем нам детей кормить?

— Это не мое дело! — председатель вышел.

— Погоди! — сразу же за ним вышел и Санко Петыр.

— Как так, у вас нет работы?! Мы выращаем хлеб, а разве мы сами не должны кушать? Разве не нужно нам кормить детей? Да? Скажите?!

Коммуникативно-прагматическое значение «**вопрос-беспокойство**» выражено модальным глаголом **кулэ** (надо), вопросительной частицей **-а**, подчеркивающей оттенок беспокойства/переживания, а также вопросительным предложением. Отметим, вопросительным предложениям характерна особенная, с повышением голоса вопросительная интонация. Она выступает как яркое, эмоциональное средство выражения вопросительности.

3. Но табере юаса уз улэ ни ук, кыззы маин сэрен кошкиз гуртысь. Кошкид — озьыен, пегзид. Ожыт-а вал со аръёсы умойгес улон утчаса кошкисьёс. Трос коркаос али ке но сыло, дыр, мözмыса, кузёоссылэсь вуэм зэс витыса. Уг **быгаты ни** Санко Петыр бертыны. «Дасез вылэ вуэм», — шуозы гуртын, нош Санко Петырлы солэсь но секыт кыльёс өвёл. Дышымтэ со дасез вылын улыны, ваньзэ ужаса, ас кыыныз поттэ [24. С. 28].

Но теперь уже не будут спрашивать, из-за чего ушел из дома. Ушел — значит, сбежал. Разве не мало было в те годы людей, которые уходили в поисках лучшей жизни. Наверно, и сейчас много домов стоят и скучают по своим хозяевам, ожидая их возвращения. Санко Петыр не может уже вернуться. «На готовое пришел» — скажут сельчане, а Санко Петыру тяжелее этих слов нет.

Коммуникативно-прагматическая направленность «**констатация-печаль**» выражена модальным глаголом **быгатыны** (мочь), усилительно-соотносящейся частицей **ни**, усиливающей эмоции грусти и печали, а также повествовательным предложением.

4. Почтальон кошкиз, Насьта извещениез кияз бергатыса сылэ.

— Мар-о, Насьта? — кылйськыз висьет сьорысь Санко Петырлэн куараез. — Почтальон пыраз кадь. Мар ке вань-а?

— Посылка, пе. Кин бен лэзьны кулэ асьмелы?

Соос озы вераськон кустытатй Лёгор пыриз. Посылка сярись кылыса, со малы кет уж шумпотйз [24. С. 31].

Почтальон ушел, Настя стоит и рассматривает в руках извещение.

— Что, Настя? — слышался из-за перегородки голос Санко Петыра. — Кажется, почтальон заходил. Что-то принес?

— Посылка. Кто же нам должен ее послать?

Во время разговора зашел Лёгор. Услышав о посылке, он почему-то обрадовался.

Коммуникативно-прагматическая направленность «**вопрос-размышление**» выражена модальным глаголом **кулэ** (надо), утвердительно-вопросительной частицей **бен** и вопросительно-утвердительно-вопросительным по смыслу предложением, оформленным в виде риторического вопроса.

5. — Оло, монэ огнаме кельтэмедлэсь кышкаса бызьытэк кылыны **турттйськод-а**, Надя? — юаз со огпол.

— Вуо-ай, анай, — шуиз нылыз.

— Вуод, вуод. Ныл даур вакчи. **Малпаськыны кулэ ини**. Неушто но кинед өвёл?

Надя пумитаз пальпотйз, номыр оз куареты [24. С. 51].

— Надя, думаешь, что из-за болезни оставишь меня одну, поэтому замуж не выходишь? — спросила она однажды.

— Успею еще, мама — сказала дочь.

— Успеешь, успеешь. Только время девичье коротко. Надо уже задуматься. Неужели никого нет?

Надя в ответ покраснела, ничего не сказала.

Коммуникативно-прагматическая направленность «**вопрос/предположение-размышление**» выражена модальным глаголом **турттыны** (намереваться), вопросительной частицей **-а** и вопросительно-утвердительно-вопросительным по смыслу предложением, подразумевающим подтверждение информации, указанной в вопросе; а также интонационным оформлением высказывания, маркирующим вопросительную интенцию говорящего.

Коммуникативно-прагматическая направленность «**констатация-беспокойство**» выражена модальными глаголами **малпаны** (думать), **кулэ** (надо), усилительно-соотносящейся частицей

ини, усиливающими эмоциональное значение, а также повествовательным предложением.

6. Митя берытскиз. Со азын сыло вуж тодмоосыз.

— Умой өвёл, Митька, эшъестэ вунэтйськод, — вера оgez. — Ку тон бертйдини, нош астэ уд но возьматъяськы. Умой өвёл-бл. Эшъестэ вунэтыны **турттйськод-а**?

— Ой ваньмы, ужасько.

— Ми но ужаськом. Шедьтэм маин ушъяськыны [24. С. 85].

Митя обернулся. Перед ним стоят старые знакомые.

— Нехорошо, Митька, забываешь друзей, — говорит один.

— Сколько времени уже прошло, как ты вернулся, а ты ни с кем еще и не встречался. Нехорошо. Пытаешься забыть друзей?

— Некогда было, работаю.

— И мы работаем. Нашел чем хвалиться.

Коммуникативно-прагматическое значение «**вопрос-недовольство**» выражено модальным глаголом **турттыны** (пытаться, стараться), вопросительной частицей **-а**, маркирующей вопросительную интенцию говорящего, а также вопросительным предложением.

Заключение

Отмечаем, прагматические значения проанализированных высказываний проявляются во всех типах предложений.

Согласимся с утверждением И. В. Ружицкого, модальные частицы нельзя рассматривать отдельно от интонационного оформления высказывания, а также от функционирования других модальных средств [16].

Анализ речевых модализированных конструкций доказывает, что модальные средства достаточно емко преобразуют смысловое поле речевого диалога субъективно-оценочными характеристиками, выступая в роли прагматически важных элементов коммуникативной структуры предложения. Смыслы, актуализируемые с помощью модальных средств, существенно конкретизируют конструктивно-модельную структуру предложения, соотносят общее лексико-грамматическое значение с параметрами говорящего, а также проявляют эмоционально-оценочное отношение субъекта.

Следовательно, представим коммуникативно-прагматические значения модализированных высказываний следующим образом: субъективно-модальные характеристики, выражающие

отношение говорящего к сообщаемому (модальные глаголы, модальные частицы, грамматические формы наклонения, специальные интонационные средства и т. п.); речевые действия, направленные на получение говорящим неизвестной ему информации (призыв, вопрос, утверждение, констатация, предположение); разнообразие эмоционально-оценочные оттенки (беспокойство, любопытство, ободрение, размышление, разочарование, раздражение, удивление, досада, недоумение, недовольство, оправ-

дание, настойчивость, уверенность, радость, печаль, нежелание, забота и пр.).

Таким образом, можно констатировать, что под влиянием модальных средств иллюкутивная сила высказывания в представленных разноструктурных языках может изменяться в зависимости от коммуникативного намерения говорящего. Модальные средства способны существенно поменять интенциональную направленность модализированной конструкции и изменить ее коммуникативно-прагматическое значение.

Список источников

1. Аверина А. В. Модальные глаголы немецкого языка как феномен главного предложения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2 (80). Ч. 2. С. 270–273.
2. Аверина А. В. Модальный синтаксис немецкого языка. М. : ИИУ МГОУ, 2019. 141 с.
3. Аверина А. В. Модальные частицы в структуре предложения (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 2. С. 59–67. doi: 10.18384/2310-712X-2020-2-59-67.
4. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / под. ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М. : Рус. яз, 2001. 719 с.
5. Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / отв. ред. П. Н. Перевощиков. Ижевск : Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.
6. Егорова О. М. Модальные глаголы немецкого языка как грамматические прецедентные единицы: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2016. 173 с.
7. Золотова Г. А. О модальности предложения в русском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1962. № 4. С. 65–79.
8. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : Изд-во МГУ, 1998. 528 с.
9. Ивин А. А. Логика. М. : Юрайт, 2013. 400 с.
10. Каракулова М. К. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2001. 225 с.
11. Кибардина Т. М. Средства выражения модальности в удмуртском языке. Ижевск : Удмурт.ун-т., 2012. 194 с.
12. Леонтьев А. А. Исследование грамматики // Основы теории речевой деятельности : колл. монография. М. : Наука. 1974. С. 161–187.
13. Ошанова Е. С. Роль модальных частиц в формировании когнитивной базы и коммуникативно-когнитивной перспективы высказывания: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 222 с.
14. Ошанова Е. С. Средства выражения модальности и эмотивности в политической коммуникации в английском, немецком, русском и удмуртском языках // Вестник ЧелГУ. Филологические науки. 2020. Вып. 119. № 1 (435). С. 115–124. doi: 10.24411/1994-2796-2020-10115.
15. Романов А. А. Семантическая структура высказываний-просьб // Семантика и прагматика синтаксических единств. Калинин : КГУ, 1981. С. 68–76.
16. Ружицкий И. В. Модальные частицы как один из способов реализации прагматического уровня языковой личности // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей. Вып. 16. М. : МАКС Пресс, 2001. С. 13–19.
17. Стасюк А. В. Модализированные перформативные конструкции в немецком языке : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. 176 с.
18. Шадрин Д. А. Логика: Конспект лекций. М. : ЭКСМО, 2008. 159 с.
19. Шибанова Е. К. Логика : курс лекций. Челябинск : Центр анализа и прогнозирования, 2008. С. 170–172.
20. Abraham W. Modal particles and Verum focus. New corollaries // Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles. Amsterdam : John Benjamins, 2017. P. 171–202.

21. Kummer M. Aspects of a theory of argumentation // E. Gülich, W. Raible eds. Textsorten: Differenzierungskriterien aus linguistischer Sicht. F.M. 1972. P. 25–58.
22. Thurmair M. Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1989. 314 p.
23. Аверченко А. Т. Хлопотливая нация: Юмористические произведения. М. : Политиздат, 1991. 464 с.
24. Васильев Н. В. Азвесь портсигар. Веросьёс но повесть. Ижевск : Удмуртия, 1976. 192 с.
25. Нагибин Ю. М. Поездка на острова : повести и рассказы. М. : Молодая гвардия, 1987. 593 с.
26. Kordon K. Julians Bruder. Hamburg : Ein Gulliver von Beltz&Gelberg, 2006. 604 p.
27. Spaude E. Spiess-Gesellen. Hamburg : Rowohlt TaschenbuchVerlag, 2008. 302 p.

References

1. Averina AV. Modal Verbs of the German Language as a Phenomenon of the Main Sentence. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2018;2(80):270-273. (In Russ.).
2. Averina AV. German modal verbs as a main sentence phenomenon = Modal syntax of the German language. Moscow: MGOU; 2019. 141 p. (In Russ.).
3. Averina AV. Modal particles in the sentence structure (based on the material of German and Russian). *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 2020;(2):59-67. (In Russ.). doi: 10.18384/2310-712X-2020-2-59-67.
4. Vinogradov VV. Russkijazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) = Russian language (grammatical teaching about the word). 4th ed. Moscow: Rus. iaz.; 2001. 719 p. (In Russ.).
5. Perevoshchikov PN (ed.) *Grammar of the modern Udmurt language: Phonetics and morphology*. Izhevsk: Udm. kn. izd-vo; 1962. 376 p. (In Russ.).
6. Egorova OM. Modal'ny'e glagoly' nemeczkogo yazy'ka kak grammaticheskie precedentny'e ediniczy' = Modal verbs of the German language as grammatical precedent units. Thesis. N. Novgorod; 2016. 173 p. (In Russ.).
7. Zolotova GA. About the modality of a sentence In Russian. *Filologicheskiye nauki = Philological Sciences*. 1962;(4):65-79. (In Russ.).
8. Zolotova GA. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazy'ka = Communicative grammar of the Russian language. Moscow; 1998. 528 p. (In Russ.).
9. Ivin AA. Logika = Logic. Moscow: Yurajt; 2013. 400 p. (In Russ.).
10. Karakulova MK. Sopostavitel'naya grammatika russkogo i udmurtskogo yazy'kov = Comparative Grammar of the Russian and Udmurt languages. Izhevsk: Izdatel'skij dom «Udmurtskij universitet»; 2001. 225 p. (In Russ.).
11. Kibardina TM. Sredstva vyrazheniya modal'nosti v udmurtskom yazyke = Means of modality expression in Udmurt language. Izhevsk: Izd-vo Udmurtskogo universiteta; 2012. 194 p. (In Russ.).
12. Leont'ev AA. Osnovy teorii rechevoj deyatel'nosti = Fundamentals of speech theory. Moscow: Nauka; 1974. 368 p. (In Russ.).
13. Oshanova ES. Rol' modal'ny'kh chasticz v formirovanii kognitivnoj bazy' i kommunikativno-kognitivnoj perspektivy' vy'kazyvaniya = The role of modal particles in the formation of the cognitive base and the communicative-cognitive perspective of expressing. Thesis. Moscow; 2017. 222 p. (In Russ.).
14. Oshanova ES. Means of modal and emotive expression in political communication in English, German, Russian and Udmurt. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2020;(1(435)):115-124. (In Russ.). doi: 10.24411/1994-2796-2020-10115.
15. Romanov AA. Semanticheskaya struktura vy'skazyvanij-pros'b = the semantic structure of plea statements. Semantics and pragmatics of syntactic unities. Kalinin: KGU; 1981. P. 68–76. (In Russ.).
16. Ruzhickij IV. Modal particles as one way of realising the pragmatic level of linguistic identity. In: Yazyk, soznanie, kommunikaciya = Language, consciousness, communication. Iss. 16. Moscow: MAKS Press; 2001. P. 13–19 p. (In Russ.).
17. Stasyuk AV. Modalizirovanny'e performativny'e konstrukczii v nemeczkom yazy'ke = Modalised performative constructions in German. Thesis. Tver'; 2005. 176 p. (In Russ.).
18. Shadrin DA. Logika = Logic. *Lecture notes*. Moscow: Izd-vo EKSMO; 2008. 159 p. (In Russ.).
19. Shibanova EK. Logika = Logic. *Course of lectures*. Chelyabinsk: Izd-vo Centralniza i prognozirovaniya; 2008. P. 170–172. (In Russ.).

20. Abraham W. Modal particles and Verum focus. New corollaries. Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles. Amsterdam: John Benjamins; 2017. P. 171–202.
21. Kummer M. Aspects of a theory of argumentation. Textsorten: Differenzierungskriterien aus linguistischer Sicht. Frankfurt am Main; 1972. P. 25–58.
22. Thurmair M. Modalpartikeln und ihre Kombinationen = Modal particles and their combinations. Tübingen: Niemeyer Verlag; 1989. 314 p. (In German).
23. Averchenko AT. Hlopotlivaya naciya: Yumoristicheskie proizvedeniya = The Troublesome Nation: Humorous Works. Moscow: Politizdat; 1991. 464 p. (In Russ.).
24. Vasil'ev NV. Azves' portsigar. Veros'yos no povest'. Izhevsk: Udmurtiya; 1976. 192 c. (In Udmurt).
25. Nagibin YuM. Pоеzdka na ostrova. Povesti i rasskazy = A trip to the islands. Novellas and short stories. Moscow: Molodaya gvardiya; 1987. 593 p. (In Russ.).
26. Kordon K. Julians Bruder. Hamburg: Ein Gulliver von Beltz & Gelberg; 2006. 604 p. (In German).
27. Spaude E. Spiess-Gesellen. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag; 2008. 302 p. (In German).

Информация об авторе

Е. С. Ошанова — кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

Ekaterina S. Oshanova — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 21.11.2022;
одобрена после рецензирования 09.01.2023; при-
нята к публикации 12.08.2023.

*The article was submitted 21.11.2022; approved
after reviewing 09.01.2023; accepted for publication
12.08.2023.*

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.